

Александръ Амфитеатровъ.

Фантастическія правды.

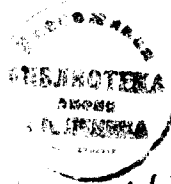

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Отъ автора.

Въ сборникъ «Фантастическія правды» пѣтъ ни одного разсказа, въ основѣ котораго не лежалъ бы дѣйствительный случай, — какъ одно изъ зеренъ той сумбурной, невѣроятной, именно фантастически заваренной каши, что зовется современно русскою жизнью. «Побѣгъ Лизы Басовой» и всѣ эпизоды «Грозныхъ дней» записаны мною въ Парижѣ со словъ лицъ, непосредственно участвовавшихъ въ этихъ приключеніяхъ. По всей вѣроятности, ихъ узнаютъ нѣкоторые, даже сквозь ретушь, наложенную беллетристическою формою и нежеланіемъ автора писать портреты.

Разсказы, объединенные подъ общимъ заглавіемъ «Междусловныя пары», написаны мною въ разные годы, на общую тему о «любви — разрушительницѣ кастъ», по сюжетамъ, собраннымъ дружескою анкетой. Еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ я заинтересовался сказанною темою подъ впечатлѣніемъ случая, изложеннаго въ разсказѣ «Домашнія новости». Тогда я обратился къ нѣсколькимъ друзьямъ моимъ, разсѣянными въ безпредѣльности русской провинціи, съ просьбою, — если имъ извѣстенъ или станетъ извѣстенъ однородный фактъ демократической любви — брачной или внѣбрачной, — не отказать мнѣ сообщить о немъ, сколько возможно, подробно. Въ результатѣ, я въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался обладателемъ 49 сюжетовъ, основанныхъ на «человѣческихъ документахъ». Изъ нихъ я использо-

IV

валъ около трети. Сюжетъ «Мечты», — посвященной мною Льву Николаевичу Толстому, потому что онъ былъ заинтересованъ рассказомъ, узнавъ въ героинѣ дѣвушку, ему знакомую, — сообщенъ мнѣ извѣстнымъ народовольцемъ, болгаринѣмъ Гаврииломъ Беламезовымъ, «правою рукою казненаго Лизогуба», какъ аттестовали его «Московскія Вѣдомости», полемизируя со мною по балканскимъ вопросамъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что, по словамъ Льва Николаевича Толстого, Беламезовъ слишкомъ идеализировалъ «Мечту», и, въ дѣйствительности, ея двигали мотивы, хотя и не дурные, но гораздо менѣе «не отъ міра сего», чѣмъ изображено въ моемъ рассказѣ. Думаю, что, по истеченіи почти четверти вѣка, не будетъ нескромностью указать, что рассказъ «Нелли Раинцева», у меня имѣющій мѣстомъ дѣйствія Петербургъ и написанный съ петербургскою бытовою обстановкою, построенъ на фактической основѣ многошумнаго, — гораздо грубѣйшаго, чѣмъ рискнули изобразить мои смягченныя краски, — скандала не въ петербургскомъ, но въ московскомъ большомъ свѣтѣ второй половины восьмидесятыхъ годовъ. Этому рассказу, впервые появившемуся въ покойной «Недѣлѣ» Гайдебурова, почему-то очень повезло за границу. Съ легкой руки «*Berliner Tageblatt*» и «*Temps*», «Нелли Раинцева» переведена едва ли не на всѣ европейскіе языки. *Habent sua fata libelli!*..

Sestri Levante 4/VII 1907.

Александръ Амфитеатровъ.

Побѣгъ Лизы Басовой.

Побѣгъ Лизы Басовой.

I.

Храповицкій мѣщанинъ Тимоеей Курлянковъ стоялъ на колѣняхъ въ глубинѣ «котла», вывѣтреннаго въ пластовой скалѣ надъ Енисеемъ, и чинилъ рыболовную сѣть. Онъ былъ очень не въ духѣ. Сегодня утромъ не ждано, не гадаю пожаловала къ нему изъ города на одинокую займку жена его Ульяна, баба еще молодая, но пьяная и гулящая. Тимоеей, человѣкъ степенный и работающій, ея терпѣть не могъ. Жили они давнымъ-давно врозь: Ульяна — въ городѣ по мѣстамъ у «навозныхъ»; Тимоеей — приказчикомъ - сторожемъ на глухой займкѣ, брошенной настоящимъ хозяиномъ, красноярскимъ купцомъ, чуть не въ полную собственность Тимоеея. Купецъ, великій фантазеръ и заливоха, весьма уважалъ Тимоеея за честность и еще больше за то, что, «однако, курносый, какъ Сократъ». Прежде, чѣмъ спиться, купецъ успѣлъ поучиться въ красноярской гимназiи, а можетъ-быть, именно тамъ-то и спился, какъ весьма многіе сибирскіе юноши. Визиты Ульяны къ мужу на займку всегда означали одно и то же:

что бабу бросилъ очередной любовникъ, а она съ досады и горя запьянствовала, потеряла мѣсто, безобразничала недѣли двѣ по улицамъ и валялась хмельная у всѣхъ кабаковъ славнаго города Храповицка, пока, наконецъ, пропившись до тла, не вспомнила о существованіи гдѣ-то въ глуши, за сорокъ пять верстъ, своего законнаго супруга. Сегодня Ульяна пришла въ довольно приличномъ видѣ, то-есть имѣла на себѣ юбку и башмаки. Два года назадъ, въ послѣднее свиданіе супруговъ, она явилась очамъ изумленнаго Тимоеея почти Евою: всю одежду замѣнялъ ей рогожный куль, который она носила, какъ попъ ризу. А на дворѣ потрескивали уже сентябрьскіе морозы. Другая бы замерзла, либо простудилась насмерть. Но этой желѣзной, да къ тому же насквозь проспиртованной, бабищѣ все было сполагоря: хоть бы лишній разъ чихнула! При встрѣчѣ мужъ и жена, послѣ краткихъ и не весьма ласковыхъ привѣтствій, быстро переходили къ пререканіямъ, отъ пререканій — къ дракѣ. Побѣждалъ въ продолжительномъ бою, въ концѣ-концовъ, разумѣется, Тимоеей, — все-таки мужчина! — но не безъ труда и урона, потому что Ульяна была не по-женски сильна и въ дракѣ звѣрѣла, такъ что надо было ее связывать. Вся обычная послѣдовательность супружескаго свиданія повторилась и сегодня утромъ, о чемъ выразительно свидѣтельствовали царапины на лицѣ Тимоеея и подбитый глазъ. Тимоеей продержалъ жену связанною больше трехъ часовъ, покуда она утомилась ругаться, заснула, выпалась и, проснувшись, взмолилась о помилованіи. Тимоеей

явилъ великодушіе и развязалъ Ульяну, за что въ благодарность та немедленно плюнула ему въ глаза. Драка имѣла всѣ данныя возобновиться, но Тимоеей, какъ опытный стратегъ, сообразилъ, что, покуда связанная Ульяна спала и отдыхала, онъ три часа работалъ во дворѣ, не покладая рукъ, и, слѣдовательно, со свѣжими силами врага ему, утомленному, не сладить. И, осторожный, какъ Куропаткинъ, онъ благородно ретировался къ сѣтямъ своимъ на Енисей, оставивъ за торжествующею Ульяною поле сраженія и фортецію займки.

Ульяна воспользовалась своею побѣдою прежде всего за тѣмъ, чтобы разыскать имѣвшуюся въ хатѣ бутылку спирта, которую и осушила по-сибирски — чайною чашкою. Алкоголь умягчилъ ея бранное сердце и расположилъ мириться съ мужемъ. Къ тому же на займкѣ ни души не было, и пьяной бабѣ стало скучно. Однимъ словомъ, каковы бы ни были намѣренія Ульяны, мирныя или воинственныя, но Тимоеей, около обѣденнаго часа, увидалъ изъ своего котла, что жена взбирается къ нему въ убѣжище крутою тропинкою по обрыву надъ Енисеемъ. Ульяна едва держалась на ногахъ, качалась, шаталась, падала на четвереньки, ползла. Тимоеей пришелъ въ ужасъ: онъ зналъ, что тропа узкая, невѣрная, осыпчатая, по ней и трезвому - то пройти не шутка. И не успѣлъ онъ крикнуть Ульянѣ, чтобы та остереглась, какъ несчастная баба и въ самомъ дѣлѣ оступилась и полетѣла, перекувыркнувшись въ воздухѣ, внизъ, а за нею грянулъ цѣлый обвалъ слоистой вътрѣнной породы.